

ИРИНА ТАЛИНСКАЯ

КАПИТАН ОСТ
-СЧАСТЬЕ НЕ ЗА ГОРАМИ-
— 4 КНИГА —

Ирина Талинская

**Капитан Ост. Счастье
не за горами. 4 книга**

«Автор»

2026

Талинская И.

Капитан Ост. Счастье не за горами. 4 книга / И. Талинская —
«Автор», 2026

Капитан Кирилл Ост после возвращения из Рима направляется в командировку в небольшой уральский городок расследовать похищение шкатулки с малахитовыми украшениями и появление призрака в музее...

© Талинская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Поручение с усмешкой	6
Глава 2. Музей на отшибе	11
Глава 3. Пустая витрина	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Капитан Ост. Счастье не за горами. 4 книга

Глава

"Все персонажи и события являются вымышленными, любые совпадения - случайны"

Глава 1. Поручение с усмешкой

Кабинет Дегтярева пах растворимым кофе и чем-то казённым, вроде мастики для полов, которую здесь наносили, наверное, ещё при Брежневе. Кирилл сидел в кресле напротив стола, на котором не было ничего, кроме телефона, папки и стакана с давно остывшим чаем, и думал о том, что за неделю, прошедшую с момента возвращения из Рима, он успел отвыкнуть от этого запаха.

— Читал в детстве сказки? — спросил Дегтярев, не поднимая глаз от папки.

Кирилл моргнул. Вопрос прозвучал так буднично, будто спрашивали, завтракал ли он сегодня.

— Какие сказки, Виктор Палыч?

— Бажова. Малахитовая шкатулка, Хозяйка горы, всё такое. Сказы, если точнее. Их не сказками называют, сказами.

— Что-то припоминаю, — ответил Кирилл осторожно, подбирая слова, как сапёр подбирает место для следующего шага. — Малахит там какой-то... гора медная. Женщина в зелёном платье, косу носит. В школе читали, лет в десять.

— Хорошая память, — сказал Дегтярев и наконец посмотрел на него. В этом взгляде было что-то, что Кириллу очень не понравилось: смесь удовольствия и предвкушения, с которой обычно смотрят на человека, которому через минуту объявят неприятную новость, но так, чтобы он сам не сразу понял, что она неприятная.

Дегтярев закрыл папку, обеими ладонями пригладил её, будто разглаживал скатерть, и произнёс:

— Поедешь в Сысерть. Это городок под Екатеринбургом, час на автобусе. Там музей Бажова, и в этом музее — то ли кража, то ли мистика, то ли и то и другое. Пропала шкатулка с украшениями, малахитовыми. А ещё народ говорит, Хозяйка Медной горы по музею ходит. В зелёном платье, с косой.

Кирилл слушал это с лицом человека, которому на полном серьёзе предлагают расследовать появление Бабы Яги в соседнем подъезде.

— Вы это не шутите?

— Какие шутки. Заявление есть, музей государственный, шкатулка числится на балансе. Пропажа музейной ценности — это статья, тут не до шуток. А слухи про Хозяйку — это уже нам сверху интересно, потому что народ начинает в соцсетях репостить, журналисты звонят, местная администрация переживает за репутацию курорта.

— Сысерть — курорт?

— Ну как курорт. Турбаза там одна, плюс музей, плюс пруд. В общем, город живёт с туристов, а тут слухи про привидение, которое ворует экспонаты. Сам понимаешь, как это выглядит для прессы.

Кирилл откинулся на спинку кресла и позволил себе паузу — короткую, ровно настолько, чтобы собрать мысли в что-то, похожее на вежливость.

— Виктор Палыч, я неделю назад закрыл дело о сокровищах императорского дворца. Меня итальянцы благодарственным письмом наградили. Министр культуры руку жал.

— Я видел фотографию, — кивнул Дегтярев без всякого выражения. — Хорошо получился, кстати. Загорел.

— И вы меня отправляете искать шкатулку в провинциальном музее из-за женщины в зелёном платье.

— Отправляю лучшего сотрудника на дело, которое требует нестандартного подхода, — сказал Дегтярев, и в этот момент усмешка, которую он до того тщательно сдерживал, наконец

прорвалась уголком рта. — Ты же у нас специалист по антиквариату, Кирилл Андреевич. Или я не в курсе чего-то?

— Это не ссылка, Виктор Палыч? После Рима сразу в Сысерть?

— Это командировка, — ответил Дегтярев с видом человека, зачитывающего приказ. — С музеем Бажова, между прочим, местная администрация давно носится, хотят грант на развитие получить, туристический кластер и прочее. А тут слухи про воровку-привидение. Сам понимаешь, кому-то надо разгребать, и лучше, чтобы это был человек с головой, а не местный участковый, который в эту Хозяйку горы сам чуть не поверил.

Он помолчал, глядя на Кирилла с тем особым начальственным удовольствием, которое появляется у людей, облечённых властью, когда они могут наблюдать растерянность подчинённого без всякого риска для себя.

— Да, и вот ещё, — добавил он, будто вспомнив между делом, хотя Кирилл не сомневался, что это было приготовлено заранее. — Там в соцсетях видео гуляют. Размытые, качество отвратительное, но женщина в зелёном платье с черной косой мелькает в кадре. Местные уже легенды сочиняют, мол, Хозяйка мстит за то, что в музее мало посетителей, вот и является по средам.

— По средам, — повторил Кирилл.

— По средам, — подтвердил Дегтярев без тени улыбки, хотя было видно, что улыбка там, внутри, давно расплзлась на всё лицо.

Кирилл выдохнул и позволил себе единственный вопрос, который на самом деле имел значение:

— А отказаться можно?

Дегтярев не ответил сразу. Он открыл верхний ящик стола, достал оттуда конверт и положил его перед Кириллом с аккуратностью человека, который давно знал, что этот жест будет финальной точкой разговора. В конверте лежал билет на поезд Москва — Екатеринбург, отправление завтра в семь утра, сутки в пути.

— Вот твой ответ, — сказал он. — Выезд завтра. Сутки в вагоне, время подумать, что читать детям сказки полезно даже в двадцать семь лет.

Кирилл посмотрел на билет, потом на Дегтярева, и ничего не сказал. В этом молчании было всё: и усталость после Рима, и лёгкое раздражение, и то самое флегматичное смирение, с которым он обычно принимал удары судьбы, не заслуживающие ни гнева, ни спора.

— Малахитовая шкатулка, — произнёс он наконец, вставая. — Ладно. Хоть что-то новое после императорских бриллиантов.

— Вот и я подумал, — отозвался Дегтярев, уже не скрывая улыбки, — разнообразие тебе полезно.

* * *

Дегтярев развернул ноутбук так, чтобы экран смотрел на Кирилла, и подвинул распечатку — три листа, плотно заклеенные скриншотами. Женщина в зелёном платье мелькала на фоне музейных витрин, то боком, то спиной, всегда размыто, всегда недостаточно чётко, чтобы разглядеть лицо.

— Вот, полюбуйся. Народное творчество.

Кирилл взял листы, разложил их перед собой веером, как карты. Чёрные волосы, заплетённые в толстую косу, спускались почти до пояса. Платье и правда было зелёным, малахитовым каким-то, с переливом.

— И это гуляет по соцсетям?

— Третью неделю. С понедельника набрало под сорок тысяч просмотров, комментарии сами почитай, люди уже делятся, кто что видел лично, у кого бабушка тоже когда-то встречала Хозяйку на покосе.

— Прямо-таки культ, — сказал Кирилл, листая дальше.

— Городок маленький, Кирилл Андреевич, делать особо нечего, вот и веселятся. Но администрация звонит каждый день, им не до смеха.

Кирилл поднёс один из скриншотов ближе к глазам. Что-то в картинке не давало покоя, какое-то лёгкое ощущение подделки, которое он давно научился не игнорировать.

— Качество странное, — сказал он. — Смотрите, края у фигуры будто подёрнуты, не как от обычной расфокусировки камеры. Это фильтр, причём не из встроенных в мессенджер, кто-то отдельно накладывал размытие.

Дегтярев пожал плечами.

— Может, у оператора руки трясутся от страха.

— Трясущиеся руки дают смазанное движение, а тут равномерная дымка по всему кадру, даже там, где фигура неподвижна. Так не бывает случайно.

Начальник посмотрел на него с интересом, как смотрят на фокусника, который неожиданно объяснил трюк раньше времени.

— Вот за это я тебя и отправляю, а не участкового. Он бы уже докладную написал, что Хозяйка горы возродилась и требует жертв.

— Или требует туристов, — заметил Кирилл, откладывая листы. — Для гранта это, в общем-то, неплохая реклама.

— Ты прямо сразу на теорию зашёл, — усмехнулся Дегтярев.

Он убрал распечатку обратно в папку и достал другую, тоньше, с единственным листом.

— Три дня назад из музея пропала малахитовая шкатулка. С украшениями, старинными, говорят, музейная ценность, хотя цену толком никто назвать не может, опись старая. Стояла в стеклянной витрине в главном зале, а потом раз — и нет.

— Три дня назад, — повторил Кирилл. — То есть примерно за пару недель, когда начались видео с Хозяйкой.

— Примерно. Местные уже сами всё связали, болтают, что это она шкатулку забрала, вроде как своё забирать пришла.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— А охрана там какая вообще? Камеры, сигнализация?

— Камера одна, на весь зал, да и та, говорят, в прошлом году барахлить начала, через кадр записывает. Сигнализации нет вовсе, бюджет не предусмотрен. На входе вахтёр и все.

— То есть зайти и выйти с витриной под мышкой мог кто угодно, лишь бы в рабочее время и без лишнего шума.

— Вот именно. — Дегтярев развёл руками. — Музей, можно сказать, сам себя охраняет силой веры в то, что воровать у Бажова грешно.

Кирилл слегка усмехнулся, хотя за этой усмешкой уже пряталось другое, более цепкое чувство. Шкатулка, пропавшая почти синхронно с появлением фигуры в зелёном платье, безалаберная охрана, подозрительно чистая работа с фильтром на видео — всё это складывалось в картину, слишком аккуратную для случайного совпадения и слишком неряшливую для серьёзного криминала. Как будто кто-то решил срежиссировать спектакль, не подумав, что у зрителей бывают капитаны полиции с профессиональной привычкой не верить глазам.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Значит, сказки, витрина без сигнализации и дед на вахте. Негусто для командировки через полстраны.

— Негусто, да хлопотно, — отозвался Дегтярев, тоже поднимаясь и явно довольный тем, как удачно закруглился разговор. — Разберись со сказками, капитан. Раз уж итальянские сокровища тебе наскучили, самое время заняться малахитовой шкатулкой и дамой в зелёном платье.

Кирилл забрал со стола распечатку, сложил листы ровной стопкой и спрятал во внутренний карман пиджака, туда же, где обычно лежали билеты и не самые радостные приказы.

— Разберемся, — сказал он.

* * *

Квартира встретила Кирилла той особенной тишиной, какая бывает только у людей, не успевших толком пожить дома после возвращения. Чемодан из Рима стоял в углу прихожей ещё не до конца разобранным, будто не верил, что хозяин снова уходит. Кирилл достал из шкафа спортивную сумку и начал складывать вещи так, как складывал всегда: быстро, без лишних раздумий, потому что раздумья тут были бесполезны. Две рубашки, свитер, зарядка, блокнот.

Складывая вещи, он вспомнил Софию — не специально, просто мысль сама подвернулась, как подворачивается нога на ровном месте. Тогда, в Риме, сестра сидела в комнате для допросов карабинеров, бледная, но с тем же упрямым выражением лица, какое бывало у неё с детства, когда она точно знала свою правоту и не собиралась её никому доказывать криком. Её обвиняли в попытке ограбления банка — глупость, построенная на одном неудачном совпадении.

У них это было общее — не только упрямство, когда не верят собеседнику, но и дар, о котором оба предпочитали не распространяться. Способность, иногда, коснувшись старой вещи или оказавшись в месте, пропитанном чужой памятью, можно было соскользнуть в прошлое и увидеть его глазами тех, кто жил здесь до тебя. Не так, чтобы управлять этим по заказу, скорее как сквозняк из приоткрытой двери, который невозможно предсказать заранее.

Он застегнул куртку, закинул сумку на плечо и напоследок окинул взглядом прихожую — не из сентиментальности, а по привычке проверять, не забыл ли чего важного. Выключил свет, запер дверь на оба замка и, спускаясь по лестнице, поймал себя на мысли, что Дегтярев, отправляя его разбираться со сказками после императорских сокровищ, явно рассчитывал повеселиться за его счёт. Что ж, подумал Кирилл, спускаясь к машине, пусть веселится. Смех над чужой командировкой — штука безобидная, если в итоге из этой самой командировки привозишь закрытое дело.

* * *

Кирилл устроился в вагоне у окна, положил телефон на столик и в третий раз запустил те же три видеоролика.

Фигура в зелёном платье двигалась по кадру рывками — не от собственной неуклюжести, а потому что оператор явно трясущимися руками снимал из-за угла витрины. Фильтр смазывал контуры лица, превращая его в мутное пятно, но чёрная коса на плече читалась отчётливо, как и уверенная, почти балетная поступь. Кирилл отмотал назад и прогнал момент ещё раз, уже медленнее.

Вот в этом всё и дело, подумал он. Случайный человек, забредший ночью в чужое помещение, идёт иначе — щупает воздух перед собой, замирает у каждого препятствия, оглядывается. А эта шла так, будто в темноте музея знала наизусть, где стоит каждая витрина и где именно нужно повернуть, чтобы не задеть стенд с чугунным литьём. Либо перед ним призрак с отменным чувством пространства, либо живой человек, отработавший маршрут не один десяток раз.

Он отложил телефон и открыл присланную по электронной почте ориентировку. Малахитовая шкатулка, украшения внутри — серьги, брошь, пара колец, всё в едином гарнитуре, последний раз зафиксированные на фотографии витрины три дня назад, в обеденное время, когда смотрительница делала плановый обход залов с телефоном наперевес, явно больше заботясь о лайках под собственным постом, чем о сохранности экспонатов. После этого снимка шкатулка исчезла, а на её месте так и осталась табличка с описанием, невозмутимо продолжавшая врать посетителям о несуществующем экспонате.

За окном тем временем пейзаж начал меняться. Равнинные поля сменились пологими возвышенностями, поросшими соснами, а затем и настоящими горами — невысокими, обкатанными временем, но от этого не менее внушительными. Среди зелени проступали рыжие

терриконы, отвалы пустой породы от старых шахт, похожие издалика на игрушечные пирамиды, присыпанные ржавчиной. Солнце клонилось к закату, и свет лёг на склоны тем особенным медовым оттенком, который делает уральские пейзажи похожими на иллюстрации к тем самым сказкам, над которыми он так старательно смеялся все последние сутки.

Кирилл невольно придвинулся ближе к стеклу. Где-то здесь, среди этих гор, спрятались штольни, о которых он до вчерашнего дня знал только по детским книжкам с картинками, да и то смутно.

Поезд начал сбавлять ход, колёса застучали реже и тяжелее, за окном поплыли первые домики окраины, аккуратные, крашенные в разные цвета заборы, покосившийся указатель с названием станции. Кирилл убрал телефон во внутренний карман куртки, застегнул молнию на сумке и поднялся, разминая затёкшую от долгого сидения спину.

Что ж, подумал он, окидывая взглядом приближающуюся платформу. Пора знакомиться с хранителями сказки — вахтёром, смотрительницей и, по всей видимости, парой перепуганных местных жителей, уверенных, что в музее по ночам разгуливает хозяйка малахитовых гор.

Глава 2. Музей на отшибе

Такси высадило Кирилла у приземистого двухэтажного здания с резными наличниками, выкрашенными когда-то в голубой цвет. Над входом висела вывеска «Музей сказов П.П. Бажова». Кирилл расплатился, вышел, закинул сумку на плечо и с минуту просто стоял, разглядывая фасад с видом человека, которому только что показали фотографию его будущей квартиры в ипотеку.

«Ну здравствуй, медная гора», — подумал он без особого энтузиазма.

У двери, привалившись к косяку, дремал вахтёр — пожилой мужчина в форменном свитере с вытянутыми локтями, из тех свитеров, что носят не для тепла, а по инерции тридцати лет службы. На коленях у него лежала стопка журналов с кроссвордами, верхний был раскрыт на середине, ручка воткнута в недописанное слово из семи букв.

— Добрый день, — сказал Кирилл погромче.

Мужчина вздрогнул, уронил карандаш, поймал его на лету неожиданно ловким движением и уставился на гостя с подозрением, какое обычно приберегают для цыган и работников газовой службы.

— Закрыто у нас, — сообщил он на всякий случай, хотя табличка «Открыто» висела прямо у него над головой.

— Я из полиции, — Кирилл показал удостоверение. — По поводу шкатулки.

— А-а, — протянул вахтёр с явным облегчением, будто ждал кого угодно, кроме ревизора, и успокоился, что обошлось. — Семён Игнатьевич я. Проходите, Вера Дмитриевна на месте, заведующий тоже где-то тут.

Кирилл кивнул и, прежде чем войти, бросил взгляд наверх, на единственную камеру, прилепленную к козырьку над дверью. Объектив смотрел не на вход, а куда-то в потолок, словно оператор, устанавливавший её лет десять назад, больше интересовался состоянием шкатулки, чем лицами посетителей.

«Отличная работа», — подумал Кирилл. — «Будем знать, что происходило на потолке в момент кражи. Там, наверное, тоже всё было тревожно».

Внутри пахло старым деревом, пылью и чем-то смутно музейным — то ли лаком, то ли сургучом, то ли просто временем, которое в таких зданиях скапливается по углам, как паутина. Небольшой вестибюль, деревянная вешалка с номерками, табличка «Сдайте сумки в гардероб» — вот, собственно, и весь рубеж обороны. Ни турникета, ни рамки металлоискателя, ни даже захудалого звоночка на двери, который хотя бы символически сигнализировал бы о входящих. Кирилл обвёл взглядом помещение ещё раз, на случай, если что-то упустил, но упускать было решительно нечего.

Он прошёл чуть дальше, в первый зал, где за стеклом витрин тускло поблёскивали минералы — малахит, яшма, несколько кусков хрусталя с этикетками, выведенными каллиграфическим почерком. Под потолком, в углу, висела вторая камера, брат-близнец первой, с тем же философским прищуром в сторону лепнины.

«Значит, одна камера на зал, — подытожил Кирилл, засунув руки в карманы куртки. — И та снимает, судя по всему, атмосферные явления. Отлично. В таком здании можно не шкатулку стащить, можно весь музей по кирпичику разобрать, погрузить на фуру и увезти в Екатеринбург продавать как антиквариат, и никто бы не заметил до понедельника, пока уборщица не пришла бы мыть полы и не обнаружила, что мыть, в сущности, нечего».

Мысль развеселила его ровно настолько, насколько может развеселить человека, которого отправили за семьсот километров ловить призрака. Он усмехнулся, покачал головой и мысленно отдал должное Дегтяреву за тонкое чувство юмора — тот, видимо, представлял себе именно эту картину, подписывая командировку.

За соседней дверью слышались голоса, один — звонкий и быстрый, явно моложе, второй — глухой и короткий, будто говорящий отмерял слова по счёту, экономя на каждом. Кирилл прислушался было, но голоса стихли, сменившись шарканьем и скрипом половиц.

Он посмотрел на часы, затем снова на пустой вестибюль, на вахтёра, вернувшегося к своему кроссворду с видом человека, выполнившего гражданский долг, и решил, что для начала разумнее будет найти не привидение и не похитителя, а кого-то, кто сможет внятно объяснить, что здесь вообще происходило последние две недели — желательно без мистики, зелёных плащей и кос до пояса.

«Заведующий, — подумал Кирилл, поправляя сумку на плече и направляясь вглубь здания. — Начнём с него. Мистика подождёт, у неё, в отличие от начальства, терпения побольше».

* * *

Кабинет заведующего нашёлся не сразу — за третьей дверью, под лестницей, где потолок нависал так низко, что Кирилл невольно пригнул голову, хотя рост у него был вполне музейный, без архитектурных излишеств. Табличка «Геннадий Трофимович Бортников, Заведующий» висела криво, будто её привинчивали второпях или много раз снимали и возвращали на место.

Сам Геннадий Трофимович оказался человеком круглым во всех смыслах — круглое лицо, круглые очки, круглые плечи, ссутуленные над столом, заваленным бумагами так плотно, что из-под них едва выглядывал угол монитора с заставкой в виде малахитовой шкатулки. Увидев удостоверение, он вскочил со стула с резвостью, неожиданной для его комплекции, и протянул обе руки сразу, словно собирался не поздороваться, а принять подношение.

— Капитан Ост? Наконец-то. Мы вас со вчера ждём, честно говоря, думали — раньше приедете.

— Добрый день, — сказал Кирилл, садясь на предложенный стул, который жалобно скрипнул под ним, как и всё в этом здании. — Расскажите мне, Геннадий Трофимович, своими словами. Без протокола пока. Что у вас тут произошло.

Бортников вздохнул так, будто готовился не к рассказу, а к исповеди.

— Шкатулка пропала. Малахитовая, с украшениями — брошь, серьги, бусы, всё уральской работы, в начале восьмидесятых годов её изготовили местные мастера и подарили музею. Четыре дня назад обнаружили, что в витрине её нет. Вместо неё — пустое место, как будто и не было никогда.

— Витрину взламывали?

— В том-то и странность, — заведующий покачал головой с видом человека, который сам себе не верит уже четвёртый день. — Замок цел. Стекло цело. Ни царапины. Утром пришли, открыли зал — а шкатулки нет. Будто сквозь стекло прошла.

Кирилл молча достал блокнот, хотя записывать пока было особо нечего — разве что отметить про себя, что «сквозь стекло прошла» звучит ровно так, как должно звучать в городе, где две недели подряд кто-то видел женщину в зелёном платье.

— А слухи про Хозяйку, — сказал он, не столько спрашивая, сколько констатируя, — они раньше начались, я так понимаю. До кражи.

Бортников замаялся, снял очки, протёр их краем свитера и снова надел, будто это помогало бороться с мыслями.

— Раньше, да. Недели две уже как город гудит. Кто-то у памятника её видел, на площади, вечером, в сумерках. Кто-то — здесь, в музее, в залах, после закрытия. Платье зелёное, коса чёрная до пояса. Вера Дмитриевна, наша смотрительница, клянётся, что сама встречала её в коридоре второго этажа, насмерть перепугалась, неделю на больничном сидела.

— И вы в это верите?

— Я верю в то, что администрация звонит мне через день и спрашивает, когда это прекратится, — ответил заведующий с внезапной горечью, которая показалась Кириллу куда искрен-

нее, чем всё сказанное до того. — У нас финансирование и так на издыхании, капитан. Город маленький, туристов мало, молодёжь в музей не ходит. А тут ещё эта история с привидением и кражей — люди шепчутся, что музей проклят, что Хозяйка мстит за что-то. Мне глава администрации прямым текстом сказал: не уляжется до конца месяца — урежут финансирование. А то и вовсе закроют, под предлогом реорганизации.

Он произнёс это так, будто речь шла не о краже и не о мистике, а именно о главной беде — о деньгах, которые могут исчезнуть вслед за шкатулкой, только без всякой мистики, безвозвратно.

— Понятно, — сказал Кирилл, хотя понятно было пока далеко не всё. — Вернёмся к витрине. Кто имел доступ к ключу?

Бортников снова помялся, явно прикидывая, насколько честным стоит быть с человеком из области.

— Ключ один, у меня. Второй — у вахтёра, на всякий случай, если я в отпуске. Ну и, конечно, уборщица иногда открывает витрины для протирки пыли, у неё тоже есть доступ. И практиканты.

— Практиканты?

— Наташа и Роман, из Екатеринбурга, у нас уже три недели на практике. Хорошие ребята, старательные, — произнёс заведующий с поспешностью, которая прозвучала чуть громче, чем требовалось для простой характеристики. — Наташа — она у нас вроде как за экскурсии взялась, молодёжь привлекает, с подходом. Роман — тихий, тот всё больше по хозяйственной части, витрины протирает, стенды подписывает.

— То есть список короткий, — заметил Кирилл. — Вы, вахтёр, уборщица, двое студентов. Пятеро.

— Пятеро, — эхом повторил Бортников и как-то слишком быстро добавил: — Но я вас уверяю, капитан, никто из них красть не станет. Люди все проверенные, порядочные.

Кирилл слушал и отмечал про себя одну странность: заведующий не спрашивал, как будет вестись дело, не интересовался сроками, не уточнял, нужна ли от него ещё какая-то бумага. Он как будто ждал одного — чтобы капитан закивал, сказал «разберёмся» и уехал обратно в область, оставив музей разбираться своими силами, тихо и без огласки.

— Разберемся с вашими проверенными людьми, — сказал Кирилл, закрывая блокнот, хотя записал в нём от силы три строчки.

Заведующий улыбнулся вымученно, но Кирилл уже поднялся, поблагодарил за разговор и вышел, оставив его сидеть среди бумаг.

* * *

Бортников догнал Кирилла у выхода из кабинета, как будто боялся, что тот уйдёт, не выполнив ещё одну неприятную обязанность хозяина.

— Капитан, позвольте представить вам наших практикантов, раз уж вы ими интересовались, — сказал он, толкая дверь соседней комнаты, служившей, судя по стеллажам с каталожными карточками, чем-то вроде научного отдела. — Наталья, Роман, подойдите, пожалуйста.

Девушка у окна обернулась первой. Светлое каре, голубые глаза, взгляд цепкий и быстрый — Кирилл сразу отметил, что она смотрит на него не так, как обычно смотрят студенты на человека с погонами, а скорее как актриса смотрит в зал перед выходом на сцену.

— Наташа, — представилась она сама, опередив заведующего. — А вы, значит, из Москвы? Насчёт шкатулки?

— И насчёт этого тоже, — ответил Кирилл.

Роман за её спиной поднялся со стула нехотя, кивнул, не произнеся ни слова, и остался стоять чуть позади, будто надеялся, что его не заметят вовсе. Тёмные волосы, карие глаза, взгляд в пол — вид человека, который либо стесняется камеры, либо твёрдо решил ничего не говорить лишнего.

— Мы оба из Екатеринбурга, на практике тут третью неделю, — продолжила Наташа, не дожидаясь вопросов. — Я вообще-то в музейное дело верю, честно. У нас же такое богатство под носом, а в музеи никто не ходит, кроме школьников, которые уткнутся в телефон и все. Им подавай Тора, Железного человека, а от человека-паука уже тошнит. А ведь сказки Бажова не менее интересные, только мало раскрытые.

— Это правда, — согласился Кирилл спокойно. — Но я, с вашего позволения, пока не про Тора. Расскажите мне про шкатулку.

Наташа чуть запнулась, будто этот поворот застал её врасплох, хотя сама же вроде спрашивалась на разговор.

— Ну а что рассказывать. Пропала из витрины, мы узнали вместе со всеми, утром пришли — а там пусто. — Она махнула рукой, словно отгоняя тему, как муху. — Вы лучше у нас спросите про Хозяйку, вот это действительно интересно. Тут же слухи две недели ходят, весь город гудит, кто-то видел женщину в зелёном платье у памятника, кто-то в залах. Мы с Ромой даже видео такое видели в пабликах, размытое, непонятное, может, кто из местных подшучивает, а может... — она сделала эффектную паузу, — ...может, и не шутка вовсе.

— Видео, — повторил Кирилл без выражения. — Интересно.

— Жуть просто, — с готовностью подхватила Наташа. — Я когда первый раз глянула, аж не по себе стало. Представляете, сама Хозяйка Медной горы по музею гуляет. Может, она шкатулку себе и забрала, а? У неё же все эти украшения малахитовые, может, узнала свои и решила вернуть.

Кирилл слушал внимательно, по привычке не перебивая, и отмечал про себя, с какой скоростью разговор о краже свернул в сторону мистики, стоило ему прозвучать. Бортников переводил тему на администрацию, Наташа — на Хозяйку и видео в соцсетях, и оба делали это с одинаковой поспешностью людей, которые заранее знают, куда хотят привести собеседника, и очень боятся, что он сам пойдёт не туда.

— А кто это видео снимал, не знаете? — спросил он как бы между делом.

— Да народ же, кто ж ещё, — пожала плечами Наташа. — У нас тут весь город с телефонами ходит, каждый себе блогер. Выложили в паблик Сысерти, там сто раз перепостили уже.

Кирилл кивнул, не став уточнять дальше, хотя в памяти у него сразу всплыло то самое видео, которое ему показывал Дегтярев ещё в Москве перед отправкой сюда, — пять секунд тряской съёмки, зелёное пятно платья у постамент, лицо размыто настолько ровно и аккуратно, что это совсем не напоминало обычный брак дешёвой камеры в темноте. Скорее фильтр, наложенный специально, тот самый, который в современных приложениях делает любое селфи похожим на явление призрака, если постараться с настройками. Случайная расфокусировка выглядит иначе — рваной, неравномерной. А тут всё было слишком чисто и слишком продуманно для шутки, снятой второпях.

Он посмотрел на Романа. Тот стоял, засунув руки в карманы, и разглядывал носки своих ботинок с таким вниманием, будто там было написано что-то важное.

— Роман, а вы сами видели Хозяйку? — спросил Кирилл напрямую.

— Нет, — коротко ответил парень, по-прежнему не поднимая глаз. — Я по хозяйственной части. Витрины, стенды. Мистикой не увлекаюсь.

— Понятно, — сказал Кирилл тем же ровным тоном, каким говорил весь разговор, хотя про себя отметил, что ответ прозвучал на полсекунды быстрее, чем требовалось простому отрицанию.

Бортников, почувствовав, что пауза затянулась, поспешил вклиниться с предложением показать капитану залы музея, и Кирилл, не возражая, кивнул, напоследок ещё раз окинув взглядом обоих практикантов: бойкую, слишком щедрую на подробности Наташу и Романа, который за весь разговор произнёс едва ли десяток слов, зато каждое — с таким видом, будто боялся, что лишнее слово его выдаст. Присмотреться к обоим подробнее стоило точно, решил

он, но не сейчас, не в лоб. Сперва — стены, витрины, камера над входом и то самое ощущение, которое уже начинало подсказывать: дело выглядит куда менее курьёзным, чем казалось час назад у ворот.

* * *

Наташа первой шагнула к дверному проёму, ведущему в анфиладу залов, и обернулась через плечо, будто проверяя, идёт ли за ней капитан или всё ещё раздумывает над молчанием Романа.

— Рома у входа посидит, он всё равно экскурсии не любит проводить, стесняется, — сказала она тоном человека, который уже решил за всех. — А я вам всё покажу, у меня это лучше получается. Геннадий Трофимыч подтвердит.

Бортников, стоявший чуть поодаль с видом человека, у которого внезапно нашлись неотложные дела в кабинете, закивал с явным облегчением и исчез за дверью, пробормотав что-то про бумаги для отчёта. Роман остался у входа, привалившись плечом к гардеробной стойке, и Кирилл отметил, что парень не делает ни малейшей попытки увязаться следом, хотя логичнее было бы любопытствовать, о чём капитан станет расспрашивать его напарницу наедине.

Он кивнул Наташе — пусть ведёт, так даже удобнее, сможет посмотреть на неё в движении, а не сидящую напротив, как на допросе, где люди умеют держать лицо куда лучше, чем держат спину и руки.

Первый зал встретил их прохладой и запахом старого дерева, пропитанного мастикой для полов. Наташа принялась рассказывать про историю здания, про год постройки, про то, как сюда свозили экспонаты ещё при советской власти, и голос её звучал бойко, отрепетированно, с теми же интонациями, какими она минуту назад оправдывала видео в соцсетях. Кирилл слушал вполуха, а смотрел вверх, на потолок: ровно одна камера, чёрный глазок объектива, направленный строго в центр комнаты, туда, где стояли основные витрины. Углы же, где темнели низкие ниши для декоративных кадок с фикусами, оставались вне кадра полностью — хоть пляши там, хоть прячься.

Во втором зале повторилось то же самое: одна камера, центр под присмотром, периферия — в полной темноте для объектива. Кирилл присмотрелся внимательнее и понял, что расположение не менялось ни разу: кто бы ни монтировал эту систему лет пятнадцать назад, явно сэкономил на проводах и монтажниках, а не продумывал слепые зоны специально. Хотя для вора разницы никакой — специально так вышло или случайно.

— А вот тут, — Наташа толкнула дверь в третий зал и шагнула внутрь с заметно убавившейся бодростью голоса, — у нас зал с малахитовыми изделиями. Ну, был.

Витрина оказалась на месте — массивная, стеклянная, с подсветкой по периметру, которая сейчас не горела. А на месте, где по логике экспозиции полагалось стоять шкапулке, лежала бумажная табличка, напечатанная явно на принтере в соседнем кабинете, криво приклеенная скотчем прямо к стеклу: «Экспонат на реставрации».

Кирилл едва заметно улыбнулся. Реставрация украденного экспоната — занятная формулировка, он бы с удовольствием посмотрел на мастерскую, где такое проводят.

— Это Геннадий Трофимыч придумал, — поспешила объяснить Наташа, перехватив его взгляд. — Чтобы посетители не спрашивали, не паниковали.

— Удачно придумал, — сказал Кирилл ровно, не вкладывая в голос ни капли насмешки, хотя внутри она вся там и была. — Убедительно.

Он подошёл ближе к витрине, присел на корточки, чтобы рассмотреть замок снизу, хотя заранее знал со слов заведующего, что тот цел. Замок и правда выглядел нетронутым, латунная пластинка потемнела от времени, ни единой свежей царапины. А вот рама окна напротив, прямо за витриной, оказалась деревянной, рассохшейся, без всякого намёка на решётку или шпингалет посерьёзнее обычной задвижки.

— А окна у вас как, сигнализацией оборудованы? — спросил он, уже зная ответ.

— Не, — беспечно отозвалась Наташа. — У нас вообще без сигнализации музей. Старое здание, денег на такое не выделяли никогда. А ещё вот тут, — она махнула рукой в сторону неприметной двери в углу зала, обитой дерматином, — служебный выход, мы через него на обед ходим. Он почти всегда открыт, проветриваем же, а то внутри пылью пахнет жутко.

Кирилл окинул взглядом эту картину целиком: окно без решётки, дверь без замка по сути, одну камеру на зал, направленную мимо самых важных углов, и подумал, что список подозреваемых, который составил ему Бортников — заведующий, вахтёр, смотрительница, два практиканта, — годится разве что для протокола. На деле же унести шкатулку мог кто угодно: случайный турист, местный хулиган, залётный бродяга, решивший погреться в проветриваемом зале. Такая беспечность не упрощала дело, а наоборот, разбрасывала версии веером, как колоду карт, которую сдуло ветром.

Он задержался взглядом на пустой витрине чуть дольше, чем требовалось, прокручивая в голове этот нехитрый расклад, и заметил, как Наташа беспокойно переступила с ноги на ногу рядом, будто его молчание давило на неё сильнее любых вопросов.

— Пойдёмте, я вам самое интересное покажу, — быстро сказала она, беря его за рукав куртки с неожиданной фамильярностью и тут же одёргивая руку, словно спохватившись. — Комнату с личными вещами Бажова. Там и перо его сохранилось, и очки, представляете? Вот где настоящая магия, а не эта вся кража.

Кирилл послушно развернулся следом, но про себя отметил, что тема сменилась слишком резко и слишком вовремя, будто кто-то в этой голове с русым каре держал наготове целый список отвлекающих маршрутов и доставал их по мере надобности, стоило разговору подойти чуть ближе, чем следовало.

* * *

Наташа ушла вместе с Романом, пообещав Бортникову, что проводит гостя до самой площади, но на полпути свернула попрощаться коротко, почти скомканно, и оставила Кирилла в вестибюле одного. Вахтёр Семён Игнатьевич уже сворачивал кроссворды, складывал их стопкой, будто готовился сдавать смену, хотя до конца рабочего дня было ещё далеко. Кирилл кивнул ему на прощание и остановился у выхода, не спеша открывать тяжёлую дверь.

День сложился из пустяков, из которых никак не хотел складываться смысл. Шкатулка, пропавшая из витрины без единой царапины на замке. Слухи про женщину в зелёном платье, гулявшие по городу уже две недели, раньше самой кражи. Заведующий, который хотел, чтобы всё это поскорее забылось, а не раскрылось. Камера, смотревшая в потолок. Дверь без замка, которую открывали, чтобы проветрить зал от пыли. Весь этот ряд деталей выстраивался не в преступление, а в какую-то нелепую бытовую комедию, где единственный пострадавший — музейный бюджет, да и тот пострадал скорее от равнодушия администрации, чем от злого умысла.

Кирилл невольно усмехнулся своим мыслям. После Рима, после чердаков с украшениями дома Романовых и сестры, которую пришлось вытаскивать из-под носа карабинеров, эта командировка выглядела как отпуск с лёгким элементом абсурда. Дегтярев, отправляя его сюда, явно забавлялся. Лучший сотрудник на дело о пропавшей шкатулке и привидении в зелёном платье — очень смешно, Виктор Палыч, очень смешно.

И всё же что-то не давало окончательно списать день в разряд курьёзов.

Наташа говорила слишком складно и слишком быстро для человека, которому просто нечего скрывать. Она ловко подхватывала любую паузу в разговоре и заполняла её байками про мистику, про перо Бажова, про что угодно, лишь бы не дать тишине повиснуть достаточно долго для вопроса. А Роман, напротив, молчал так старательно, будто ему выдали список фраз, которые можно произносить, и строго-настрого запретили говорить что-либо сверх того. Два разных способа защититься, но защищались они явно от одного и того же.

Кирилл вытащил из кармана потрёпанный блокнот, привычку, которую не вытравили из него ни смартфоны, ни годы службы, и, прислонившись плечом к дверному косяку, записал несколько строк убогим почерком.

«Проверить график смен персонала за последние две недели.

Пересмотреть запись с камеры у витрины — вдруг что-то всё-таки попало в кадр.

Присмотреться к Наташе и Роману отдельно, не вместе».

Он перечитал написанное, щёлкнул колпачком ручки и подумал, что начинать завтра нужно с вещей простых и скучных, тех самых, которые в сериалах обычно вырезают, а в жизни именно они приносят результат. Сначала — пустая витрина при свете утра, без экскурсовода за плечом, без чужих слов, подсказывающих, куда смотреть. Потом — вахтёр, пока тот ещё держит в памяти детали своей смены, а не растерял их среди кроссвордов и дрёмы у входа. Старики вообще неплохо помнят мелочи, если их не торопить и не давить вопросами в лоб, это Кирилл знал по опыту куда лучше, чем любые методички.

Он убрал блокнот, толкнул тяжёлую дверь и вышел на крыльцо. Воздух снаружи был другим, уральским, с лёгкой горчинкой то ли от сосен, то ли от дыма печных труб на окраине, и после затхлости музейных залов этот воздух показался почти сладким. Площадь перед музеем лежала напротив, тихая, вымощенная старой брусчаткой, с редкими прохожими, спешащими по своим делам мимо памятника.

Хозяйка Медной горы стояла там же, где стояла, надо думать, десятилетиями: бронзовая женщина в длинном платье, с косой через плечо, с каменным, равнодушным ко всему происходящему лицом. Кирилл задержал на ней взгляд дольше, чем собирался, и неожиданно для себя почувствовал холодок, пробежавший по спине, тот самый, что приходил редко и всегда не вовремя, минуя разум и здравый смысл, будто что-то древнее в крови шевельнулось раньше, чем успело проснуться сознание.

Он тряхнул головой, прогоняя наваждение, списал это на усталость после дороги и на разреженный вечерний воздух маленького городка, в котором непривычному человеку мерещится что угодно. Но холодок не уходил полностью, осел где-то под рёбрами, тихий и настойчивый, как напоминание, что день, начавшийся с нелепой кражи шкатулки, закончится вовсе не там, где он планировал.

Кирилл поправил воротник куртки, в последний раз взглянул на бронзовую фигуру через площадь и пошёл искать, где в этом городе можно нормально поужинать и переночевать, оставляя памятник, музей и все сегодняшние странности на завтра, когда утренний свет расставит хотя бы часть вещей по местам.

Глава 3. Пустая витрина

Музей открывался в девять, но Кирилл явился без четверти, когда в залах ещё пахло вчерашней влажной тряпкой и воском для полов, а не туристами и их духами. Дверь ему открыла немолодая женщина в синем рабочем халате, представилась смотрительницей Верой Дмитриевной и посмотрела на него с тем особым недоверием, с каким смотрят на инспекторов пожарной охраны, явившихся не вовремя.

— Вы бы к Наталье Сергеевне, она откроет, объяснит, — сказала она, явно не горя желанием брать на себя ответственность за постороннего в закрытом ещё зале.

— Наталья Сергеевна мне всё уже объяснила вчера, — ответил Кирилл спокойно. — А мне нужно десять минут тишины и чтобы никто не топтался рядом.

Та потопталась ещё немного, будто проверяя его на прочность, потом махнула рукой и ушла в подсобку, откуда вскоре донёсся стук чайника о плитку. Кирилл остался один в зале, и тишина эта была совсем не та, что вчера, при посетителях и разговорах, — плотная, музейная, с лёгким звоном в ушах, какой бывает только по утрам в помещениях с толстыми стенами.

Витрина стояла там же, где и вчера, на невысоком деревянном подиуме, прямоугольный стеклянный короб с латунной окантовкой, такой старомодный, что казался скорее экспонатом, чем просто мебелью для хранения экспонатов. Внутри, на бархатной подложке цвета засохшей брусники, осталась вмятина от шкатулки, будто память о форме предмета, которого больше не было. Кирилл присел на корточки и принялся разглядывать стекло сантиметр за сантиметром, медленно, без спешки, зная по опыту, что торопливость в таких делах обычно и приводит к тому, что улику находят постфактум, пересматривая фотографии месяц спустя.

Царапин не было. Ни единой, даже самой тонкой, какие обычно остаются от стеклореза или от неуклюжей попытки поддеть стекло отвёрткой. Края стекла были ровными, старыми, слегка пожелтевшими по кромке, но целыми. Кирилл достал из кармана перчатку, надел её на правую руку и осторожно потянул на себя дверцу витрины за латунную ручку. Замок, встроенный в раму сбоку, сопротивлялся секунду, потом щёлкнул мягко, без скрипа и усилия, будто его смазывали не позже вчерашнего утра.

Он наклонился ближе, рассматривая сам механизм. Простой сувальдный замок, таким запирали шкафы ещё при советской власти, и работать с таким умеет любой слесарь-любитель с минимальным набором отмычек. Но следов взлома на нём тоже не было — ни царапин вокруг скважины, ни забитых насечек, какие обычно оставляет отмычка в неумелых руках. Либо вор знал своё дело настолько хорошо, что не оставил ни следа, либо — и эта мысль нравилась Кириллу куда больше — у него попросту был ключ.

Он выпрямился, засунул перчатку обратно в карман и позволил себе усмехнуться, хоть и невесело. Список подозреваемых, который и так не отличался длиной, теперь сужался до совсем уж неприятных размеров: заведующий, вахтёр, уборщица и двое практикантов. Пять человек, из которых двое вчера при одном упоминании о шкатулке повели себя так, будто им предложили сдать кровь на анализ прямо посреди разговора.

«Хотя, — подумал он, присаживаясь обратно на корточки, уже скорее по привычке осматривать всё снизу, с уровня, с которого смотрят на мир кошки и криминалисты, — дубликат ключа сделать не фокус. Было бы с чего снимать слепок».

Он провёл ладонью вдоль плинтуса подиума, больше машинально, чем с какой-то целью, и в этот момент почувствовал запах. Слабый, едва уловимый, горьковатый, с привкусом степной полыни или чего-то похожего на неё, то ли приправа, то ли засушенная трава, какую кладут в сундуки от моли. Запах держался у самого основания витрины, не выше, и стоило Кириллу чуть отодвинуться, как он почти исчез, растворился в общем музейном духе пыли и старого дерева.

Он потянул носом ещё раз, пытаясь понять, не почудилось ли, но запах был настоящим, пусть и слабым, как память о чём-то, что здесь побывало и ушло. Ничего особенного в этом не было, мало ли чем пахнет в музее со стажем, может, антимолевыми шариками обрабатывают витрины, может, кто-то из посетителей накануне прошёл мимо с букетом сухоцветов. Мысль мелькнула и ушла дальше, не зацепившись, как бывает с десятками мелких наблюдений за день, из которых девять оказываются пустыми, а десятое — важным, да узнать заранее, какое из них десятое, не получается никогда.

Кирилл всё же вытащил блокнот и почти не глядя черкнул короткую строчку: «запах у витрины — полынь? трава?», не придавая находке значения, скорее по привычке фиксировать всё подряд, чем из предчувствия. Потом закрыл блокнот, поднялся, отряхнул колено и ещё раз обвёл взглядом зал, витрину, бархатную вмятину там, где раньше стояла шкатулка.

Ключ или доступ. Значит, пора было смотреть не на стекло, а на людей, у которых этот доступ был, и на то, кто в последние недели появлялся в музее достаточно часто, чтобы успеть снять слепок с замка, пока никто не видит.

* * *

Каморка вахтёра располагалась справа от входа, за облупленной дверью с табличкой «Службное», и представляла собой что-то среднее между постом охраны и музеем самого вахтёра. На столе соседствовали старый радиоприёмник «Океан» с треснувшей шкалой, термос в вязаном чехле и стопка кроссвордов, исписанных убористым почерком. Сам хозяин этого хозяйства, Семен Игнатьевич Бессонов, обнаружился в кресле у окна, с газетой на коленях, и, судя по тому, как резко он выпрямился при звуке открывшейся двери, минуту назад вовсе не читал эту газету, а разглядывал обратную сторону век.

— Доброе утро, — сказал Кирилл. — Можно к вам на пару слов?

— Садитесь, садитесь, — засуетился старик, сдёргивая газету с единственного свободного стула и обнажая под ней ещё одну стопку кроссвордов. — Чайку? У меня тут с чабрецом.

Кирилл отказался, присел, достал блокнот — скорее для порядка, чем по необходимости, — и спросил, что Семен Игнатьевич помнит о вечере, когда пропала шкатулка.

Старик оживился мгновенно, будто только этого вопроса и ждал всю смену.

— А как же, помню, конечно. Посетитель был, перед самым закрытием. Одет чудно, прямо скажу — как в кино про старину. Сюртук такой тёмный, длиннополый, и то ли трость у него была, то ли палка. Прошёл мимо меня тихо так, кивнул вежливо, я ему кивнул в ответ, думал — может, актёр с какого съёмки, у нас же тут иногда снимают для телевидения.

— В какое время это было?

— Да минут за двадцать до закрытия, не позже. Я ещё подумал — не успеет посмотреть толком, сейчас выгонять придётся.

Кирилл делал пометки, кивая, и внутренне уже прикидывал, куда вписать этого загадочного человека в сюртуке — в список свидетелей или в список бреда, который неизбежно сопровождает любое дело с привкусом мистики.

— А лицо его вы разглядели? Возраст, приметы?

Тут Архип Фомич начал запинаться.

— Лицо... лицо как-то не очень. Свет там неудачный падал, у нас же лампы эти, экономные, через одну горят. Да и я, если честно... — он замялся, поёрзал в кресле, покосился на термос, будто ища в нём поддержки. — Смена у меня в тот день выдалась долгая, с утра ещё в поликлинике сидел, потом сюда. А в зале-то тихо, тепло, часы тикают размеренно так...

— Вы задремали, — подытожил Кирилл без вопросительной интонации, просто констатируя.

— Ну, может, прикорнул на минутку, — старик виновато развёл руками, и газета сползла у него с колен на пол. — Кто ж не человек. Сажу в кресле, тишина, тиканье это убаюкивающее, я и не заметил, как глаза сами закрылись. А очнулся — вроде как чувствую, прошёл кто-то

мимо, дверь скрипнула. Может, и правда прошёл, а может, мне это уже спросонья примерещилось, знаете, как бывает — не поймёшь, сон это был или явь.

Кирилл слушал, не перебивая, и в который раз подумал, что человеческая память устроена хуже любого вещдока — она норовит дорисовать картинку там, где не хватает деталей, да ещё и уверена в своей правоте. Только что Семен Игнатьевич говорил о сюртуке и трости так, будто видел их собственными глазами при свете дня, а теперь выяснялось, что вся сцена могла разыгаться исключительно в дрёме между двумя кроссвордами.

— Так был посетитель или не был? — спросил он мягко, без нажима, зная, что нажим в таких случаях только путает показания ещё больше.

— Да как вам сказать... — старик почесал затылок, посмотрел на тикающие на стене часы с кукушкой, будто те могли подсказать ответ. — Сдаётся мне, что был. А может, и приснился. Часы вот эти, они как начнут отбивать, так у меня всегда такие сны странные, цветные. Я ж не вру вам, товарищ капитан, упаси бог, просто сам не разберу теперь, где во сне было, а где наяву.

Кирилл захлопнул блокнот, не записав ничего такого, на чём можно было бы строить версию. Список подозреваемых не прирос ни на одного человека в сюртуке, но и не похудел — алиби вахтёра теперь годилось разве что на то, чтобы объяснить, почему дверь могла простоять незапертой лишние полчаса, пока её сторож путешествовал по цветным снам под чабрецовый чай.

— Спасибо, Семен Игнатьевич. Если вспомните ещё что-то, — уже вставая, сказал он, — хоть во сне, хоть наяву, — звоните, номер я вам оставил.

— Обязательно, обязательно, — закивал старик с видимым облегчением, что допрос закончился, и тут же снова потянулся к газете, оставленной на полу.

Выходя из каморки, Кирилл подумал, что список свидетелей теперь официально пополнился одним ненадёжным, но и списывать его со счетов целиком было бы ошибкой: даже самый путанный сон иногда вырастает из реального зерна, просто это зерно ещё предстояло отделить от шелухи. Сюртук, трость, скрип двери — где-то в этом ворохе могла прятаться правда, а могла и не прятаться вовсе, оставшись просто игрой сонного воображения старика, уставшего от долгой смены и равномерного тиканья часов.

* * *

Наташа нашла его сама, едва он вышел из каморки вахтёра, — будто караулила где-то за углом, у стенда с инструментами старателя.

— Кирилл Андреевич! — голос звонкий, обрадованный, словно он вернулся из долгой командировки, а не прошёл десять метров по коридору. — Вы ведь ещё не видели служебные помещения? Я могу показать, там и кладовка с реквизитом, и архив, и даже старая котельная, которую хотели под выставку переделать, но не успели. Пойдёмте, я всё покажу, мне не трудно.

Он успел подумать только одно: слишком быстро предложила. Люди, которым нечего скрывать, обычно ждут, пока их спросят, а уже потом нехотя ведут показывать кладовки. Те, кому есть что скрывать, сами хватают за рукав и бегут впереди, лишь бы контролировать маршрут экскурсии.

— Было бы кстати, — сказал он вслух, спокойно, без интонации, которая выдавала бы эту мысль. — Заодно расскажете, кто и когда там бывает.

Они пошли по коридору, и Наташа тараторила без пауз, будто боялась, что если замолчит хоть на секунду, Кирилл вставит свой вопрос первым.

— Вот тут склад, здесь хранятся старые экспонаты, которые списали, но выбросить рука не поднимается, — она открыла дверь, за которой пахло пылью и машинным маслом. — А вот здесь архив, документы с сорокового года, представляете? Вера Дмитриевна туда почти не заходит, боится, что рассыплется что-нибудь от старости. А это, — она махнула в сторону неприметной двери, — комната отдыха для персонала, там чайник и старый диван, Роман иногда там спит после обеда...

— А ключи от витрины у кого хранятся? — вставил Кирилл, не меняя темпа шага, будто спросил между делом про погоду.

Наташа на долю секунды сбилась, и он это заметил — не споткнулась, нет, просто чуть быстрее моргнула, чем требовалось.

— У Бортникова, конечно, у заведующего. И дубликат у Веры Дмитриевны на всякий случай. А вы знаете, — она тут же подхватила разговор с другого конца, — у нас ведь легенда есть, что Хозяйка горы сама открывает замки тем, кто ей угоден. Бабушка моя рассказывала, в детстве ещё, что раньше бергалы верили...

— Про бергалов потом, — мягко перебил он. — Меня больше интересует, кто из сотрудников имел доступ к служебному ходу в тот вечер.

— Ой, да там же все ходят, — она рассмеялась чуть громче, чем нужно было для шутки. — Вера Дмитриевна, Бортников, Семен Игнатич, мы с Ромой. Дверь вообще почти никогда не запирают, настолько тут всё по-свойски. Вот в музеях Екатеринбурга, камеры в каждом углу стоят, а у нас даже сигнализации нет, представляете? Хотя знаете, может, оно и к лучшему, потому что если Хозяйка решит кому-то что-то передать, никакая сигнализация её не остановит...

— Спасибо, Наталья, — сказал он, нарочно переходя на полное имя, тем самым тоном, каким благодарят за экскурсию, а не за показания. — Весьма познавательно.

— Обращайтесь, если ещё что-то понадобится, — она улыбнулась, уже увереннее, довольная результатом. — Я ведь правда хочу помочь, чтобы всё это поскорее закончилось.

Кирилл кивнул и пошёл к выходу, думая о том, что помощь, которая сама бежит навстречу, прежде чем её попросят, редко бывает бескорыстной. Люди, которым действительно нечего скрывать, обычно ждут, пока их спросят, и отвечают ровно на заданный вопрос, не разворачивая его в экскурсию по легендам Урала. А вот те, кто слишком старательно опережает каждый вопрос, чаще всего боятся, что следующий окажется тем самым, неудобным.

* * *

Вечер в Сысерти опускался быстро, будто кто-то торопился задёрнуть штору, не дожидаясь, пока дневная усталость сама найдёт себе место в сумерках. Кирилл вышел из музея на крыльцо, вдохнул холодный воздух с запахом прелой листвы и дровяного дыма — где-то за прудом уже топили баню, — и подумал, что в его блокноте сегодня прибавилось строчек, а ясности не прибавилось ни на грамм.

Он пошёл вдоль ограды, не торопясь, с тем особым флегматичным спокойствием, которое вырабатывается у человека, повидавшего достаточно запутанных дел, чтобы не ждать от первого дня ничего, кроме сырого материала. Витрина цела, замок исправен, царапин нет — значит, ключ или навык. Вахтёр то ли видел кого-то в старинном платье, то ли просто сморило его под тиканье часов и уютный скрип батарей. Негусто. Негусто, но и не пусто.

Он попытался сложить картинку заново, как раскладывают пасьянс, когда карты упрямо не хотят вставать в масть. Кража шкатулки — вещь прагматичная: кто-то воспользовался доступом, кто-то знал расписание смотрительницы и привычку вахтёра дремать в тепле. А вот явление Хозяйки на видео — другое дело с нарочитым размытием картинки, будто оператор боялся, что слишком чёткая съёмка выдаст подделку.

«Ладно, — сказал он себе, — будет день — будет и пища». В буквальном смысле тоже, кстати: с утра у него во рту не было ничего, кроме кофе из кофемашины и сейчас, когда напряжение дня слегка отпустило, пустота в желудке напомнила о себе довольно настойчиво. Мысли о версиях, о ключах и дубликатах, о совпадении инсценировки с кражей начали вязнуть, будто кто-то подсыпал в них сахарной пудры: сладко, но соображать трудно.

Он огляделся. На другой стороне площади, в нескольких шагах от памятника, светились окна небольшого кафе — вывеска «Малахит» мигала неоновой змейкой. Пахло оттуда свежей выпечкой, и этого запаха хватило, чтобы решение созрело само собой, без всякой дедукции.

«Версии подождут, — подумал Кирилл, толкая дверь, — а вот желудок ждать не привык». Он вошёл внутрь, стряхивая вечернюю прохладу с плеч, и обвёл зал взглядом, больше по привычке, чем по надобности, — просто оценить обстановку, прежде чем сесть и, наконец, спокойно поесть, дав голове передышку перед тем, как снова приниматься сводить концы с концами.

* * *

Внутри пахло тестом и чем-то подгоревшим, но терпимо. Кирилл прошёл мимо стойки, кивнул девушке с подносом и уже собирался спросить, работает ли ещё кухня, когда взгляд зацепился за угловой столик у окна, завешенного желтоватой шторкой.

Наташа и Роман сидели друг напротив друга, и даже с десяти шагов было видно, что разговор у них не из тех, что ведут за чаем от скуки. Наташа наклонилась вперёд, обеими руками вцепившись в кружку, а Роман сидел, ссутулившись, как будто хотел стать меньше, чем он есть, и не смотрел на неё, а куда-то в сторону, на скатерть.

Кирилл не стал торопиться. Он остановился у стойки, сделал заказ — блины с чем-то местным, название которого тут же забыл, — и, пока девушка пробивала чек, как бы невзначай подошёл чуть ближе к их столику, будто выбирая, где сесть. Зал был маленький, столиков немного, и ничего странного в этом не было.

— ...сколько раз тебе говорить, — донёсся до него приглушённый голос Романа, и в нём звучало что-то такое, чего Кирилл за весь день не слышал ни разу: не угрюмость, а настоящая, живая тревога. — Смотри, Наташка, влипнем мы из-за тебя...

Договорить он не успел — или не захотел, — потому что Наташа вдруг резко вскинула голову и посмотрела прямо на Кирилла, и улыбка на её лице возникла так быстро, что капитан почти физически ощутил щелчок переключателя.

— Кирилл Андреевич! — произнесла она чуть громче, чем требовалось, с той же интонацией бойкого экскурсовода, что и днём. — А мы вот зашли перекусить, есть же тоже хочется, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.